

8 КРУГОЗОР 69

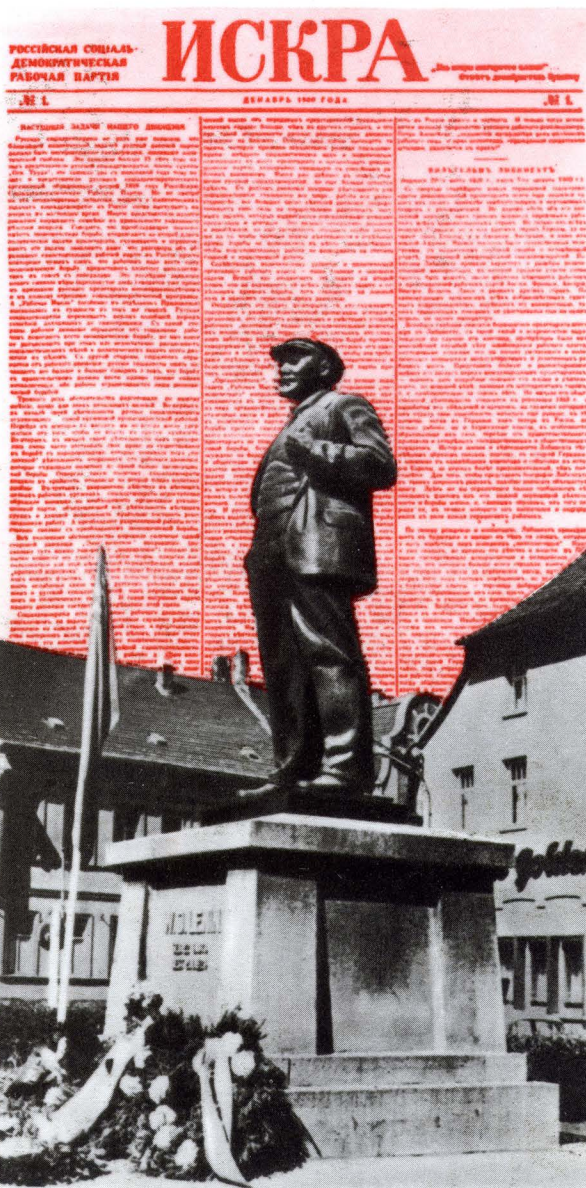
«Имя Ленина стало символом победы Великого Октября, крупнейших революционных свершений, которые в корне изменили социальный облик мира, ознаменовали поворот человечества к социализму и коммунизму».

Из Обращения «О 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», принятого международным Советанием коммунистических и рабочих партий.

Смотрит вождь
С привычного портрета.
И, не в силах истины постичь,
Мой сынишка требует ответа:
— Где живет наш дедушка Ильич?
Как же допустить,
Что умер Ленин,
Если длится веры торжество,
Если дети в каждом поколенье
Называют дедушкой его!
Если память
Строго смотрит в спину,
Следуя за нами по пятам...
Нет, в сердцах
Минувшего картины
Не стереть стремительным годам.
Нет, бывшее не отходит в дали:
Ведь недаром
В тот жестокий час
Там не только в Ленина стреляли,
Но и в жизнь и в каждого из нас.
Враг готовит новые походы
В упоенье атомных идей,
Но и ныне ясные восходы
Он не в силах спрятать от людей.
Но и ныне правда в наступленье.
И, к свободе собственной идя,
Держат страны верное равненье
На отчизну мудрого вождя.
Зори на полотнищах взметенных.
Широки победные пути.
И повсюду
Ленин на знаменах,
Как боец, идущий впереди.
Все такой же, буднично одетый,
Он готов
Хоть завтра бросить клич:
Раз одна страна достигла света,
Сможет целый мир его достичь!

Джубан МУЛДАГАЛИЕВ

Перевел с казахского
Владимир Савельев.

ФАКЕЛ ПРОМЕТЕЯ

В этом году состоялся самый значительный юбилей в моей жизни: пятьдесят лет прошло с того дня, когда я впервые приехал в Москву и встретился с Владимиром Ильичем Лениным.

В 1919 году я, тогда молодой спартаковец, руководитель мюнхенской организации коммунистической молодежи, вынужден был бежать из города, опасаясь ареста. Наша партия была в подполье, и мне немало пришлось побродить по Берлину, прежде чем я разыскал одного из членов ЦК. В самом начале нашего разговора он неожиданно спросил: «Хочешь поехать в Москву?» Я мгновенно ответил: «Да!» Но только потом узнал, какое это ответственное поручение: доставить через несколько стран, через линию фронта два письма Ленину от немецких коммунистов. При обыске или провале эти бумаги надо было уничтожить.

20 марта отправился из Берлина. Явки, данные мне, оказались недействующими. Шел со случайными попутчиками. Иногда нас обстреливали. В Литве мы переходили линию фронта в сильный дождь. Набрели на какую-то деревеньку, попросили нас на ночлег к старосте. «Красные отступили, с утра был немецкий патруль», — сказал староста.

В ЗВУКОВУЮ КНИГУ О В. И. ЛЕНИНЕ

ДОСТАВИТЬ В МОСКВУ, ЛЕНИНУ

Ночью я проснулся и увидел, что староста и его молодая жена, поглядывая в нашу сторону, шепчутся. Через некоторое время они взяли лампу, вышли и заперли дверь. Что делать? На дворе льет, мы совершенно потеряли ориентировку...

Утром я услышал, как отпирают дверь. Перед нами стоял староста и держал в руках... каравай хлеба и кринку молока. До сих пор помню ее — коричневую, полную до краев. «Извините, — сказал староста, — что мы вас вчера так неприветливо встретили. Мы всего три дня как женаты и еще не научились гостей принимать...» Староста проводил нас до реки лесом, минуя немецкие патрули. За рекой стоял красноармеец с винтовкой...

В этом году я побывал в Москве. В гостинице «Метрополь» отыскал номер 495. Та же комната, тот же вид из окна. Правда, тогда, в девятнадцатом, прожил я в этом номере недолго: меня перевели в Кремль. А 25 или 26 апреля — точно не помню — мне сообщили, что меня вызывает Ленин. Ленин — меня! Меня, простого курьера партии, вызывает Ленин!

Меня провели по коридорам. В приемной сидела Фотиева. Она доложила обо мне и сказала: «Пройдите». Я открыл дверь. Навстречу из-за письменного стола вышел Ленин...

Профессор Альфред КУРЕЛЛА,
член ЦК СЕПГ

Памятник В. И. Ленину в Эйслербене. Первый номер газеты «Искра», отпечатанный в Лейпциге.

Фото Х. Франке

Я перелистываю страницы твоей истории, Германия, и строки наливаются кровью сотен тысяч бойцов, отдавших жизнь во имя светлой идеи, кровью миллионов людей, погибших в твоих лагерях, на полях твоих сражений, Германия.

Твоя история — история противоборства света и тьмы. Факел Прометея зажжен был Марксом, землю облетело: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»... Казалось бы, в августе 1914 года пламя готовы были поглотить мутные воды шовинизма, но громкое «нет!» Карла Либнехта империалистической войне прогремело на весь мир.

В огне ноябрьской революции 1918 года родилась Коммунистическая партия Германии. По примеру ленинской партии большевиков она отмежевалась от оппортунистов, мужала в классовых битвах. Партия объединила вокруг себя миллионы людей, призвав к созданию единого фронта против поднимавшего голову нацизма.

Мы помним: когда пришла коричневая чума, факел борьбы продолжал пылать в тюремной камере коммуниста Тельмана, у горняков Мансфельда, сберегавших знамя из Кривоного Рога, на чердаке лейпцигского домика живописца Франка, работавшего над портретом Ленина до самой смерти. В нашей памяти свет выхватывает из тьмы победившие лица подпольщиков, проводивших ночи у радиоприемника, чтобы услышать бой часов на Спасской башне и голос диктора страны, где заседал, откуда направлял борьбу немецких антифашистов ЦК коммунистов Германии.

Еще один исторический эпизод: Вальтер Ульбрихт и Эрих Вайнерг в окопах Сталинграда — плечом к плечу с его легендарными защитниками: они обращаются со словами правды к обманутым немецким солдатам...

1945. Советская Армия вернула на родину Маркса прометеев факел.

Начало было нелегкое: не было воды, хлеба, стали. Но было мужество коммунистов. Была помощь Страны Советов, была вера в новую, демократическую Германию. Борьба за умы и сердца людей потребовала объединенных усилий, и, претворяя в жизнь веление времени, коммунисты и социалисты объединились, образовав Социалистическую единую партию Германии. Два человека, скрепившие своим рукопожатием единство немецкого рабочего класса, были избраны Президентом и Председателем Совета Министров ГДР — это Вильгельм Пик и Отто Гротеволь. 7 октября 1949 года — рубеж новой истории свободной Германии.

Сегодня мир видит: то, за что боролись в умиралы немецкие коммунисты, стало действительностью. Мы, граждане ГДР, с чистым сердцем можем сказать: «Колесо истории никому не удастся повернуть вспять!»

Х. ХЕРБЕЛЬ,
заместитель главного редактора
газеты «Нейес Дейчланд»

Слушайте вторую звуковую страницу журнала

ВНУК СТАРОГО БАЛЬКЕ

Фото
Кислинга

Дед Райнера Бальке был рабочим, коренным, или, как здесь говорят, «застиранным» берлинцем. Пятьдесят лет назад начал он трудиться. Каждый день ходил на завод, по вечерам сиживал в пивной с такими же рабочими, как он сам, и не очень-то задумывался о завтрашнем дне.

Внук старого Бальке, Райнер, тоже стал рабочим. Рабочим первого в истории Германии рабоче-крестьянского государства. Старые мастера научили Райнера строить дома. Коммунисты, освобожденные в сорок пятом советскими солдатами из фашистских концлагерей и застенков, научили его строить социализм. 13 августа 1961 года ребята из бригады Райнера Бальке вышли строить защитный антифашистский вал. Республику нужно было оберегать. У каждого в одной руке был мастерок, а в другой — автомат.

Позже молодому кандидату в члены Социалистической единой партии Германии поручили руководить «трудной» бригадой строителей, в которой собрались бывшие «ходоки через границу» — так называемые «гренцгенгеры» (жили они в одном секторе Берлина, а работали в другом). Это было время не только кладки кирпича. Это

было время дискуссий. Истина рождалась не только в споре, но прежде всего в сознательном труде рабочих. Вскоре бригада стала одной из лучших в республике и получила имя Райнера Бальке.

Каждый день долгоязого Райнера в кожаных ботинках можно увидеть на лесах новостройки, высоко над новым Берлином, судьба которого так же отлична от судьбы старого города, как жизнь внука Бальке от жизни деда Бальке. Впрочем, может быть, в этом сравнении есть некоторая неточность. Дед, узнав, что Райнер вступает в партию, сказал ему: «Мы, парень, наделали много ошибок. Не повторяйте их. Смотрите открытыми, внимательными глазами на мир».

Ю. ВИЗБОР, В. ГУБЕЛЬМАН,
корреспонденты «Кругозора»

1945. Земля — крестьянам.

1946. Одно из первых народных предприятий.

1952. Вторая партконференция: единодушно — за строительство социализма!

1969. Горизонты строительства.

НАЧАЛО

Когда я иду по новым улицам Берлина, я часто вспоминаю, как выглядел наш город в мае сорок пятого. Повсюду пепелища и развалины. Мой муж погиб на войне, я осталась одна с двумя детьми. В эти дни я вспоминала, как во время воздушного налета в бомбоубежище поклонилась себе: «Если ты когда-нибудь вырвешься из этого ада, ты сделаешь все, чтобы войны больше не было».

Фашистский режим был уничтожен. Жизнь моя начиналась сначала. Я хотела работать и с готовностью вызвалась разбирать развалины. Сначала нас было немного —

женщин с киркой и лопатой, но потом нас были уже тысячи — когда родилось имя нового движения.

«Трюммерфрау» — «женщины развалин» — так называли нас. Мы смеялись, мы отлично понимали, что вряд ли выглядим элегантно. Из старого одеяла мне удалось сшить накидку и носки; костюм дополняли фартук, сшитый из мешка, деревянные башмаки и старый платок. Не удивительно, что иногда меня называли бабушкой, хотя мне было тогда тридцать два года.

Это было жестокое, но возвышающее душу время. Время надежд.

Было прекрасно — чувствовать, что война не уничтожила в людях все человеческое. Что ты можешь улыбаться девушке в солдатской форме, взмахом флажка направляющей движение машин.

...Я очень люблю мой Берлин, новый город, восставший из руин.

Хелене ГРАГЕРТ,
работник
Берлинского магистрата.

ТОВАРИЩ БЕРЛИН

Летом прошлого года съемочная группа Центральной студии документальных фильмов провела пять месяцев в столице ГДР.

После премьер, которые состоялись одновременно в Москве и Берлине, после встреч с публикой я вдруг почувствовал, что нам удалось помочь зрителям проникнуть в душу города, заглянуть в глаза его жителям — молодым и пожилым берлинцам.

Цвет и размеры экрана дали возможность отразить панораму строительства нового Берлина, архитектуру его новых районов, масштабы реконструкции. Но наша задача была сложнее: это — размышление о преемственности поколений немцев, сражавшихся десятилетиями за социалистическую Германию. Ибо сегодня в ГДР в едином строю стоят те, кто в 20-е годы боролся с поднимающим голову фашизмом, кто превратил лозунг «Рот фронт!» в символ революционной борьбы пролетариев всего мира, кто дрался на испанской земле в батальоне Тельмана, продолжал борьбу в нацистских лагерях смерти, — и родив-

шиеся в годы войны, вошедшие в сознательную жизнь юные граждане первого немецкого социалистического государства. Да, они сегодня в едином строю, и этим поколениям посвящен фильм.

Весной сорок пятого, когда я снимал лежащий в руинах город, который в годы войны был для миллионов людей символом зла, меня не покидала мысль, что здесь, в Берлине, окутанном дымом пожара, в эти исторические часы решается судьба немецкой нации. Я смотрел на малышей, которых кормили советские солдаты на полевых кухнях, и думал: им суждено строить новую Германию.

Прошли годы. Те самые малыши,

родившиеся в пору войны, сегодня заполняют аудитории Гумбольдтского университета, стоят с оружием

в руках на границе, работают в цехах заводов, поднимаются на строительные леса Алекса.

Однажды я снимал встречу Вальтера Ульбрихта с молодыми строителями Алекса. О встречах часто говорят: «яркая». Я вспоминаю тот день и чувствую это слово во всей его многозначности: яркий солнечный день, яркие юные лица, по-молодому живой разговор. И слова товарища Ульбрихта, обращенные к молодым, что они — главная надежда Германии, они строят Берлин и новый мир и им жить в таком мире, какой они строят сами...

«Товарищ Берлин». В название фильма мы вложили чувство дружбы, которое советские люди, пострадавшие, принявшие много горя в борьбе с гитлеровским фашизмом, питают к Германской Демократической Республике — стране надежд и светлых горизонтов.

Роман КАРМЕН,
лауреат Ленинской премии

Фото Арно Фишера

Л. СТЕПАНОВ,
собственный корреспондент
«Известий» в ГДР

СЧАСТЛИВЫЙ ПОЕЗД

В Штральзунде, городе корабелов и рыбаков, на пирсе, возле новенького, только что «окрещенного» белого судна «Тропик», встретил я Гизелу Хайн. И услышал от нее эту историю...

Детство Гизелы пришлось на войну. В семье каменщика Коклес, погибшего на Восточном фронте, остались девять малолетних детей и больная вдова. Старшей, Гизеле, исполнилось одиннадцать, когда она стала для братьев и сестер матерью. В сорок пятом бездомная семья затерялась в потоке беженцев. Где-то на перекрестке больших дорог, на разбитом перроне стояли два поезда. Никто не знал, куда они отправятся. Только потом выяснилось, что один шел в западную часть Германии, а другой — в центральную часть страны, где позже прошла граница, разделившая Германию на два государства.

— Тогда мы сели в счастливый поезд, он привез нас в рабоче-крестьянскую республику, — говорит Гизела. — Моя сестра Ирмга окончила вуз и работает на острове Рюген радиоинженером. Братья Вильгельм и Вернер служат на границе. Третий брат — Вальтер — один из лучших бригадиров на своей шахте. Вольфганг и Урсула, когда-то неразлучные близнецы, разъехались по разным краям: Вольфганг водит в Берлине грузовик, Урсула учительствует в сельской школе. Предпоследняя, Инга, служит продавщицей, младшая, Эрика, работает птичницей. Как видите, все разлетелись: у каждого свое призвание, своя профессия, своя семья. Но дружба наша по-прежнему крепка. Бывает, нередко с годами родные охлаждаются друг к другу; у нас иная закваска: вместе вынесли все трудности. И сейчас у всех у нас общие убеждения: почти все мои братья и сестры вступили в партию. Когда мы собираемся, то часто вспоминаем знакомых нам советских людей, тех, кто накормил нас в самую тяжкую годину, кто помог построить первый дом и первую школу.

...На пирсе молодая женщина провожала бело-снежный «Тропик». 81-й «Тропик», построенный в Штральзунде по заказу Советского Союза. Завтра об этом событии расскажет штральзундская газета «Наша верфь». Провожаящая корабль Гизела Хайн — ее главный редактор.

У Гизелы растут три сына. Одному из них она дала имя Игорь. Так звали молодого советского солдата, напившего молоком весной сорок пятого голодных ребятишек каменщика Коклес, погибшего на Восточном фронте.

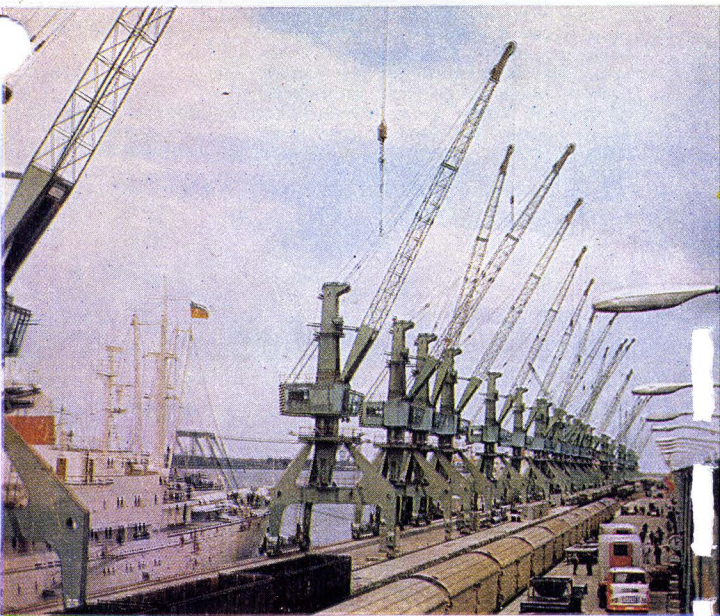
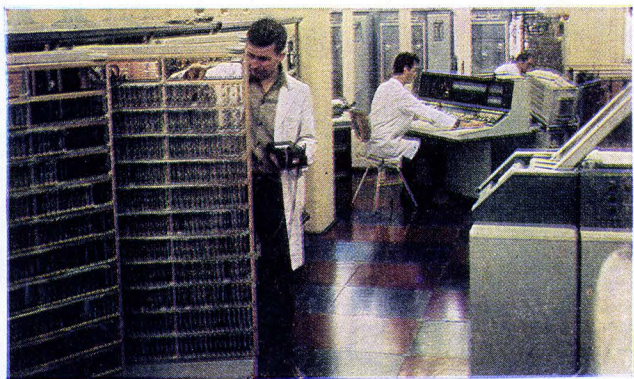
● Электронная вычислительная машина Р-300. Ростокский порт: СССР — ГДР — крупнейшие экономические партнеры.

Посетители Советского павильона на Лейпцигской ярмарке.

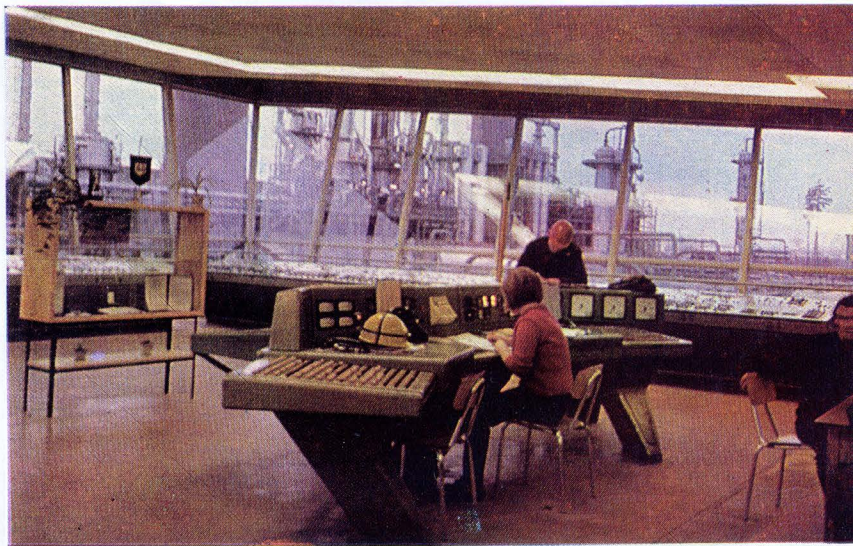
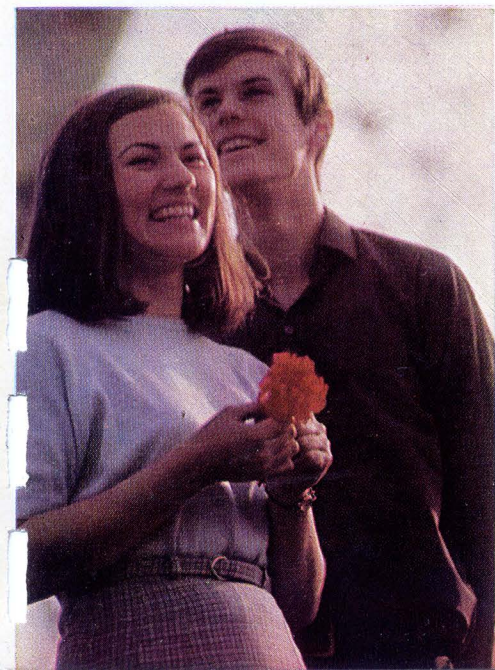
Новые комбайны марки «Е-512» работают на полях республики и в других странах.

Из Куйбышева в Шведт идет нефтепровод «Дружба».

Фото Б. Кёппе, К. Хитцигера, Л. Ширмера и АДН.

— Чтобы уважать себя, недостаточно одного старания избежать чего-то недостойного человека. Когда я оглядываюсь на прожитую жизнь — понимаю: я мог бы сделать многое, особенно в молодые годы, если бы старался увидеть главное...

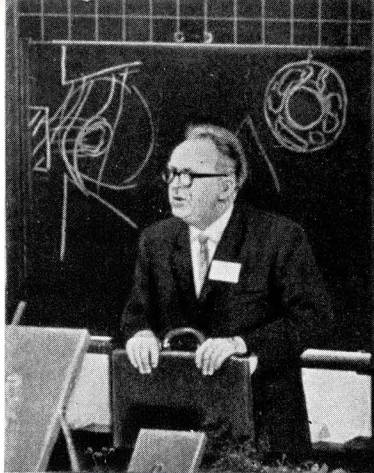
Мой собеседник — Макс Штеенбек, профессор, академик двух академий — немецкой и советской. Я знаю: он очень требователен, когда говорит о себе.

Макс Христиан Теодор Штеенбек родился в 1904 году. Его университетским учителем был Ханс Гейгер. В сороковом году, переходя улицу тихого немецкого городка, он ясно увидел устройство своего ускорителя частиц. Патент за продал электротехнический концерн «Сименс», и бетатрон был построен во время войны в США. В те годы Штеенбек был директором одного из предприятий «Сименса» — составной части германской военной индустрии.

— Однажды Анна Зегерс сказала: ничто так сильно не угнетает, как сознание того, что ты стоишь в стороне, когда возникало что-то великое, новое, — говорит Штеенбек, вспоминая свое прошлое.

После войны Макс Штеенбек работал в Советском Союзе. Однажды (это было в конце сорок пятого года) он ехал с черноморского побережья в Москву. «Я был единственным немцем во всем поезде, — рассказывает он. — Много людей разговаривало со мною. Но никто не говорил злобно. Все повторяли, указывая в окно: «Видите, что вы сделали? Теперь мы должны работать вместе, чтобы построить все это заново».

Штеенбек работал более десяти лет в СССР. Он называет имена коллег, с которыми познакомился, подружился во время работы: М. Д. Миллионщиков, С. Л. Соболев, Л. А. Арцимович. И еще три имени, значительные для него в современной физике: Иоффе, Капица, Ландау.

— Это была важная часть моей жизни: менялось мое мировоззрение...

Я обратил внимание: в разговоре многократно звучали фразы: «Тогда я не нашел еще себя», «Я провел внутренний анализ», «Думал: как мало еще сделал...»

Взгляд его как бы устремлен внутрь. Когда он отрывается от своих мыслей, за толстыми линзами вспыхивают насмешливые, чудовищно увеличенные очками, всепонимающие глаза.

Вспоминаю кинокадр: старичок в академической шапочке, непри-

язненно оглядываясь на объектив камеры, гладит пушистого кота. Академик В. П. Филатов. Он был дружен с немецким физиком; они часто встречались, беседовали о жизни. Когда Штеенбек стал плохо видеть, ассистент Филатова, молодой врач, сделал ему операцию.

...Он мучительно-тревожно переживал будущую встречу с родиной. Не знал: где она — на западе или на востоке?.. Однажды в теплоходной прогулке по Москве-реке он встретился с земляком, и тот сказал ему: «Не торопитесь, выбирайте». Чуть позже Штеенбек узнал, что этот человек — министр нового государства — ГДР. А потом — что он, Штеенбек, все еще числится в списках фирмы «Сименс» и что ему идет зарплата.

Он все внимательно рассмотрел. Он выбрал Родину.

— Я долго думал о себе и о социализме, — говорит Макс Штеенбек. — Трудности со временем забываются, остается направление пути. А сам путь — это больше, чем направление.

Мы беседовали в кабинете председателя Совета научных исследований ГДР. По ту сторону оконного стекла — обычная, ревущая моторами берлинская магистраль, за ней — зеленый участок, потом — стена, и где-то там, в частном здании Западного Берлина, где-то там квадратное здание с воссозданными после войны буквами: «Сименс». По эту сторону стекла — кабинет, человек с выпуклым лбом и шевелюрой Эйнштейна, пьющий кофе вопреки запретам секретаря и вопрошающий придирчиво себя: «Каков твой баланс жизни?»

Со своим блокнотом и репортерским микрофоном я вклинился в жесткий распорядок дня ученого, между его выступлением на съезде немецких писателей и беседой с инженерами. После беседы он уедет к себе домой, в зеленую, идиллически спокойную Иену. И по дороге будет думать о чем-то своем.

ПОИСКИ РОДИНЫ

Е. ВЕЛТИСТОВ,
корреспондент
«Кругозора»

ЛЮБОВЬ МОЯ — РОССИЯ

**ЛЮДМИЛА
ЗЫКИНА:**

*«Ивушка»,
«Рязанские
мадонны».*

Как-то в лесной деревушке под Костромой после телевизионной передачи, в которой Зыкина исполнила «Ивушку», «Рязанские мадонны», «Оренбургский пуховый платок», я услышал от хозяйки, старой крестьянки, без стеснения утиравшей слезы: — О всей нашей жизни рассказывает... Слушаю ее и все вижу.

Да, чувство правды, сокровенные мысли народные — вот что старается передать зрителям певица. Держится на сцене просто, достойно. И вот уже ты, слушая ее, чувствуешь запах спелых хлебов, видишь поля, реки, леса.

Любовь к песне передала Зыкиной бабка Василиса, которую в рязанском селе звали ласково — Васюта. Да и мать Людмилы от Васюты не отставала, голос имела чистый, звонкий. Под вечер на крыльце (жили они под Москвой, в совхозе) мать с дочерью пели про Стеньку Разина, про ямщика.

Работала Зыкина токарем на заводе, швейей, слесарем в типографии, пела раненым в госпиталях, выступала в самодеятельности, в хоре имени Пятницкого, на радио. И везде, на любой своей работе, не позволяла себе поверхностно относиться к делу. Она не выйдет с песней на сцену, пока не вживется в нее.

В новой программе старинных русских песен Людмила Зыкина поет: «Ах, утушка», «Степь да степь кругом», «Посею лебеду», «Ох, есть у меня дружок тайный», «Что во поле пыльно?». И волнуется она, теперь уже народная артистка, так же, как перед началом первого концерта.

Юрий ГРИБОВ

как для взрослых, только лучше

Я люблю рисовать для детей. Своих у меня четверо, и они предъявляют вполне справедливые права на мое время и на мое умение рисовать. Я изображаю на бумаге все, что они придумывают, и все, что для них придумываю я. Зато, подсматривая, как рисуют они, я научился более ясно выражать свои мысли. Интересно, что дети в состоянии изобразить даже непривычное, причем делают это гораздо легче, чем взрослые, находящиеся в плену определенных, я бы сказал, застарелых представлений.

Я несколько лет рисовал афиши для детского кино и, наблюдая детей перед зданием кинотеатра, пришел к выводу, что у них не возникает трудностей в понимании искусства, но они требуют, чтобы с ними обращались бережно и с любовью.

Однажды я был со знакомым писателем в детской библиотеке. Он читал свой новый рассказ, а я вслед за ним рисовал на доске. Детям это понравилось, и потом я частенько рисовал вместе с ними на больших листах картона. Ребята подсказывали, как выглядят главные герои, во что они одеты. Это доставляло всем большое удовольствие.

В январе этого года в вологодском музее была организована выставка моих иллюстраций. Ребята пригласили меня в кукольный театр. Там мы читали про маленький город Притцелвитц и делали зарисовки. Жители этого города построили зоопарк и привезли зверей. Только не было у них льва. Я нарисовал вологодским детям льва, и мы назвали его «Бонифац». Один мальчик вышел вперед и написал имя льва на листе красной краской. Он очень старался, но от волнения ошибся. Потому льва зовут теперь в Вологде «Банифац».

Приходится повторяться, но я очень люблю рисовать для детей.

Вернер КЛЕММЕ,
профессор, член немецкой
Академии искусств в Берлине.

В памяти со всей ясностью встают дни, когда создавался Краснознаменный ансамбль. Это было в конце 20-х годов. Мне посчастливилось быть у колыбели «малютки», не по дням, а по часам преобразовавшегося в песенного богатыря. Тогда одним из сотрудников ЦДСА, Ф. Даниловичем, была выдвинута идея мобильного ансамбля красноармейской песни, который мог бы приезжать в офицерские и красноармейские клубы и лагеря, приносить туда искусство, близкое воинскому сердцу.

Профессор Московской консерватории А. В. Александров и режиссер П. И. Ильин горячо увлеклись поисками формы песенного искусства небывалого доселе ансамбля. Костяк его должны были составить красноармейцы и искусные запевалы из самодеятельности. Двойной вокальный квартет, баянист, танцор и чтец — всего одиннадцать человек — выполняли

задания музыкального руководителя и режиссера с таким старанием, а вся программа, особенно ее музыкальная часть, была так отточена, что мастерам исполнителей могли позавидовать иные профессионалы.

«Двадцать вторая дивизия в песнях», следовавшая за ней «Особая Дальневосточная» и другие программы были близки и воинам и широкой рабочей аудитории. В этих песнях отражались воинская удаля, верность Родине, беззаветная храбрость, находчивость в боевой обстановке. А. В. Александров — великолепный музыкант, композитор, хормейстер — стал подлинной душой ансамбля. Он сам сочинял песни, изучая быт, походные условия, характер красноармейца. Эти драгоценные качества музыканта и педагога были им завещаны сыну — нынешнему руководителю ансамбля Борису Александрову, который сумел умножить традиции во-

инского артистического коллектива.

В программах ансамбля любимая солдатами шутка, соленый подчас юмор перемежаются со страницами героики, лирическими отступлениями. Картины природы, обрисовка характеров — все лаконично, к месту, как и слово чтеца, связующее эпизоды, мизансцены. И пляска — как кульминация.

Теперь, после сорока лет существования Краснознаменного ансамбля, уже не одиннадцать, а двести человек претворяют в жизнь творческие замыслы композиторов, хормейстеров, режиссеров. Форма, рожденная новым, социалистическим содержанием, оказалась жизнеспособной. Не просто дифирамбы, не просто похвальное слово армии — сценическое повествование о самоотверженном служении Родине, о духовном облике воинов, о верности интернациональному долгу, братству трудящихся земель.

песня

В

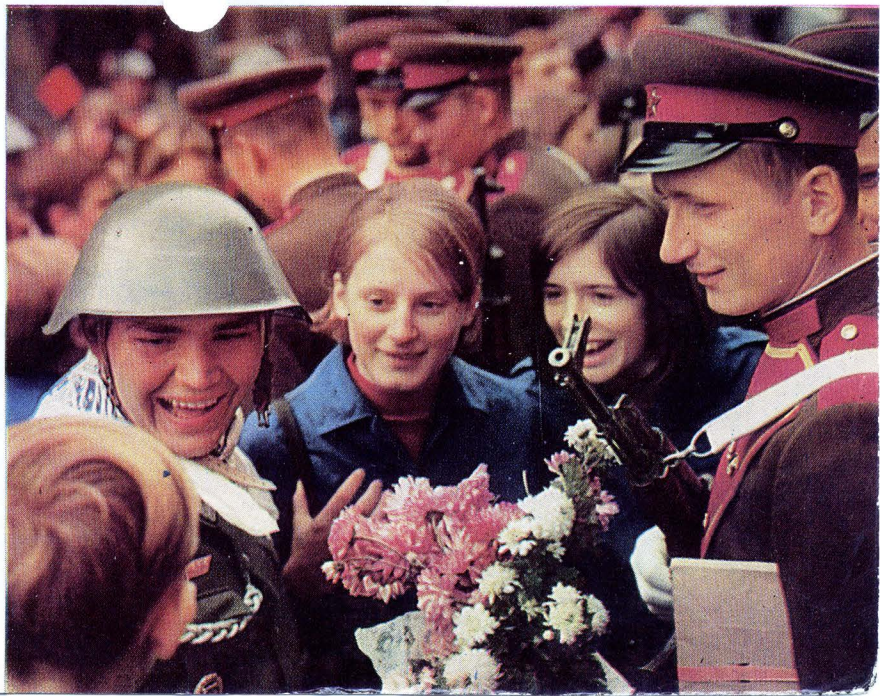
походной

шинели

Георгий
ПОЛЯНОВСКИЙ

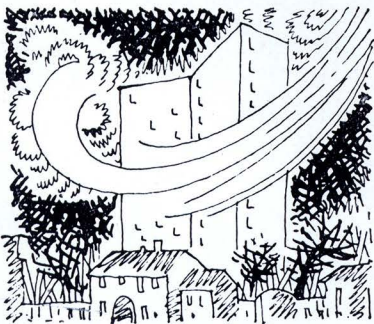
На снимке: после парада частей
дружественных войск.
Фото АДН

Ирина СНЕГОВА

Синь рвется от натуги,
Ее клоки — везде.
Май; ветер гонит дуги,
Гнет дуги на воде.
И в каждом полукруге —
Дугой, черта к черте,
Врата горят друг в друге
На прочной широте.
Исходят беды, вьюги.
Мы — в нашей правоте...
Но дуги, дуги, дуги
Гнет ветер на воде.

●
Не орган
Над кущей райской —
Ураган
Над мглой февральской

Загудел... Поводит стужу —
Дует с маху прямо в душу.
Жжет... Чтоб нашу одурь
придурь
Ветроудой дохнет и — выдул,
Чтоб без пагубы да блажи.
Чтоб ни-ни, ни тени даже!
Содрогайтесь, фавны,
ведьмы, —
Вон как шпарит трубной
медью.
Не канкан
Над прорвой адской —
Ураган
Над мглой арбатской!..
Век без блажи — дольше,
глаже...
Да на что он нам — без блажи?

Нина ЭСКОВИЧ

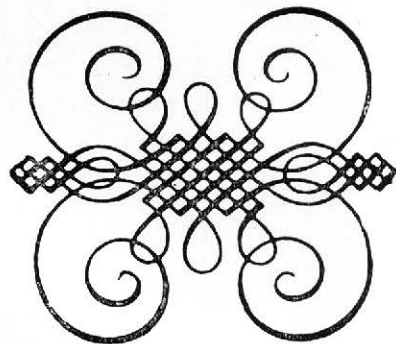
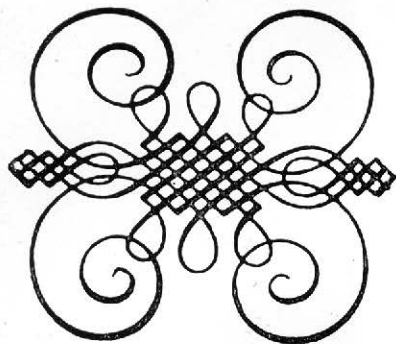
Туча за радугой нежится,
ленится, еле видна.
Банною,
чистой, ромашковой свежестью
в полдень поляна полна.
Беленький в желтую крапину
ей повязали платок.
Цепкая,
выпростав мокрую лапину,
чмоннула елка цветок.
Дождь оказался бездельником,
пыль приколол на ходу.
Солнцем,
грибами,
распаренным венником
пахнет березна в саду.

Тамара ЖИРМУНСКАЯ

Мы ушли от шумихи
бесплотной,
Мы впитались в еловую тишь.
— Мама, грибо-то какой
чистоплотный, —
С удивлением ты говоришь.
Мой поэт двух вершков
с половиной,
Мой с рождения певчий
птенец,
Вот мне счастье когда
привалило:
Муза руку дала наконец.
Больше мне в словарях
не копаться,
Чащей слов наугад не брести.
Слог, не высосанный
из пальца,
Дочь мне выдаст от двух
до пяти.
Я не крикну, куда ты полезла,
Ель не может тебя уколоть.
У детей, у деревьев, у леса
В самом деле пречистая
плоть.
Ну, а мы засорились однажды
И не помним к истоку путей.
Чувство слова пронзаёт нас
дважды —
В раннем детстве и возле
детей.
Вдруг за спешкою мы
не заметим,
Как порвется последняя нить?
И идем мы на выучку к детям
И не знаем, чему их учить.

Рисунки А. Брусиловского

Можно сказать, что музыка живет тогда, когда она звучит. Сочинения Георга Фридриха Генделя живут уже свыше двух столетий и до сих пор продолжают удивлять нас своей красотой и грандиозностью. Генделевские фестивали, которые ежегодно проходят на родине композитора в городе Галле,— живое наследие одного из гениев немецкого народа. Двадцати операм Генделя была возвращена сценическая жизнь.

Самодетельные хоры и ансамбли соседствуют на эстрадах в Галле с нашими и зарубежными музыкантами, имена которых пользуются мировой известностью.

Музыка Генделя несет в себе глубочайшие гуманистические начала, преисполнена идеалами героики и добра, обращена к человеку. И если Гендель, человек огромный, прошед-

СТО

ТОМОВ МУЗЫКИ

ший не только славный, но и чрезвычайно тяжелый путь, переживший не только мгновения счастья, но и гнетущего одиночества, обрел массового исполнителя на своей родине, быть может, в этом есть историческая справедливость.

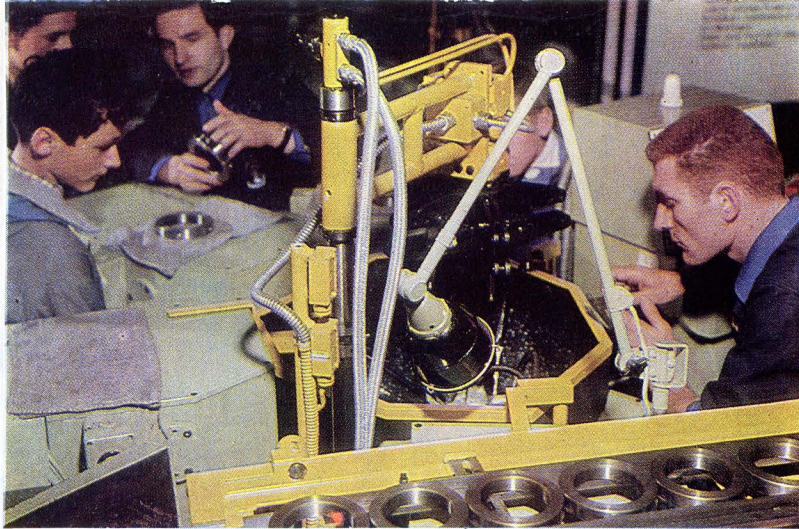
Генделевское общество, существующее с 1955 года, объединяющее почти тысячу музыкантов и ученых разных стран, выступило с инициативой издания нового стотомного полного собрания сочинений компо-

зитора. Основой будут служить оригинальные рукописи Генделя. Большая их часть, как известно, находится в Англии, но некоторые манускрипты хранятся в Немецкой Государственной библиотеке в Берлине. В частности, рукопись арии из оперы «Радамист», написанной по мотивам истории народов Кавказа.

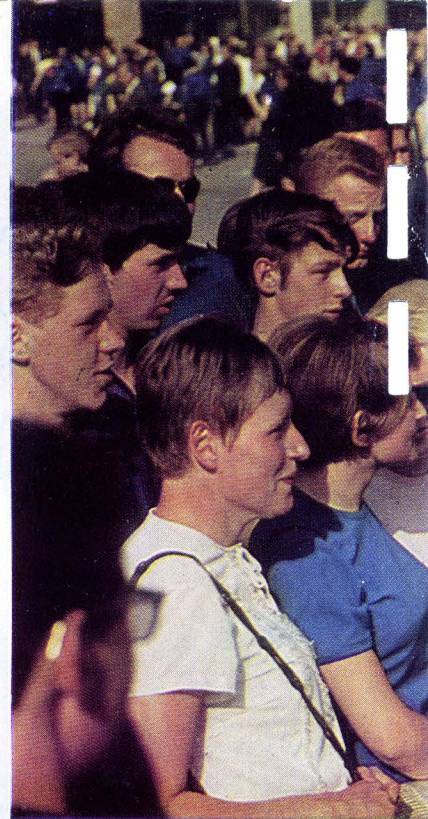
Член нашего общества профессор Важа Гвахария из Тбилиси перевел либретто оперы на грузинский язык, и она была исполнена по грузинскому радио.

Мне приятно, что читатели и слушатели «Кругозора» услышат на звуковой странице отрывок из произведения великого композитора.

Вальтер ЗИГМУНД-ШУЛЬТЦЕ,
профессор, ученый секретарь
Генделевского общества

На фото: молодой «конкурент» Лейпцигской международной ярмарки — «Выставка мастеров завтрашнего дня». В прошлом году состоялась 10-я выставка молодых изобретателей ГДР. Почти девять процентов ее экспонатов было запатентовано.

Алексей ВОРОБЬЕВ

Грущу, подолгу друга не встречая,
в моих глазах стоит он, молодой,
кряжист, как дуб,
в плечах сажень косая,
под потолок упрямой головой.
Где мы встречались?
Посреди метели —
она молода белые снега,—
когда бурана жеребцы храпели,
на нас летели,
словно на врага.
Где мы встречались?
Посреди болота,
где пики сучьев и
столбы стволов,
нас подружила потная работа
под пологом из черных комаров.
Круша беду и рассекая темень,
натруженный в работе и бою,
его характер твердый,
словно кремь,
не раз дорогу освещал мою.

...Ты прикурил, подставив ветру
плечи,
поднял заиндевелый воротник.
Сказал:
— Отсюда вправо путь полегче,
но все-таки пойду я напрямик.
И просто, без бравлады или
шума
ушел на лыжах в буйные снега.
И паром на спине дышала шуба,
и черным зевом щерилась пурга.
Тот вправе называться другом
нашим,
кто обходить, петляя,
не привык,
кто варит сталь,
кто в поле землю пашет
и кто идет по жизни
напрямик!

Перевел
с чувашского
Владимир Костров.

СКАЖИ, ГДЕ ТЫ СТОИШЬ?..

Я не думаю, что у нас молодежь поет больше, чем где-либо. Но она поет по-своему: не подчиняясь определенной традиции, а скорее по велению сердца. Были, разумеется, для ребят и девочек, полюбивших песню, и человеческие примеры — Эрнст Буш и Пит Сигер. Был ученик Сигера — Перри Фридман, нашедший вторую родину в ГДР. А потом появились Лютц Кирхенвиц, Хартмут Кёниг и еще несколько энтузиастов, которые и создали известный ныне «Октоберклуб». Центральный Совет свободной немецкой молодежи принял теперь уже принадлежащее истории специальное «решение о пении».

Как всякий эксперимент, песенное становление проходило в спорах. Одна из таких дискуссий состоялась в октябре прошлого года в Карл-Маркс-штадте, где были представлены лучшие клубы и певческие группы. Учитель немецкого языка из Висмара привез свою «Песню о строительстве кораблей». Товарищи остались недовольны текстом. Впрочем, не устроила их и мелодия, которую придумал другой член клуба. И тогда все вместе сели за стол, сочинили стихи, изменили ритм и вообще высказали, как им казалось, почти гениальные идеи. В Карл-Маркс-штадте песня имела ошеломляющий успех и получила приз.

Впрочем, не так уж важен этот приз, важнее то, что молодежь придумала что-то новое, создала песню, в которой выразила свое отношение к злободневным событиям. Именно ясность своей жизненной позиции — одно из требований к каждому, кто выступает в певческий клуб.

«Скажи, где ты стоишь?» — требует поэт и композитор «Октоберклуба» Хартмут Кёниг от исполнителей и от слушателей.

«Что сегодня для нас наша Отчизна?» — спрашивает студент-медик из Лейпцига Курт Деммлер и сам же отвечает — то дерзкими, то задумчивыми, то шуточными песнями.

«Внеси-ка лучше рацпредложение», — весело предлагает товарищам Рейнхольд Андерт.

Песни молодых вы услышите на звуковой странице. Рассказ ведет корреспондент «Кругозора» Артем Гальперин, встретившийся с ребятами из «Октоберклуба» неподалеку от Берлина.

Бернгард ХЕНИГ,
журналист

Фото Клингера, Миршеля

«Чему завидовать...»

Олег ТОЧЕНЫЙ

В архивах удалось разыскать несколько страниц, написанных рукой Петра Павловича Ершова, автора знаменитого «Конька-горбунка».

Эпиграмма на известного сибирского богача, купца Плеханова:

Сибирский наш кощей
Всю жизнь обманывал людей,
И вот на старости, чтоб совесть успокоить,
Давай молебны петь и богадельни строить!

Эпиграмма на одного из тобольских чиновников, ослепленного своим генеральским чином:

Чему завидовать, что некий господин
В превосходительный пожалован был чин!
Когда бы ум его на миг хоть прояснился,
То сам бы своего он чина устыдился!

Предложения к проекту нового устава:

Дабы прогресс с законом согласить
И женщин приравнять мужчине,
Им дозволяется отныне
Усы и бороду носить.

В 1862 году П. П. Ершов подал прошение об отставке. Причины остаются невыясненными. Однако есть предположение, что поводом к уходу в отставку послужило какое-то столкновение с тобольским губернатором А. Деспот-Зеновичем. Ему адресованы строки:

Тебя я умным признавал,
Ясновельможная особа,
А ты с глупцом меня сравнивал...
Быть может, мы ошиблись оба?

кругозор

8 (65) август 1969

слушайте

в

номере

ИЗДАТЕЛЬ:
КОМИТЕТ
ПО РАДИОВЕЩАНИЮ
И ТЕЛЕВИДЕНИЮ
ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СССР

На первой странице
обложки: «ГДР-20». Рисунок немецкого
художника
Роланда Шперля.

Художники
Е. Фриче
и Л. Борхард.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, И-427,
ул. академика
Королева, 12.

Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48

Б 04915.
Подп. к печ. 17/VII
1969 г.

Формат бумаги
84 × 108^{1/8}.

Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.

Тираж 300 000 экз.
Зак. 1614. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

1. В звуковую книгу о В. И. Ленине. Альфред Курелла, член ЦК СЕПГ: «Ленин в моей жизни».
2. Коммунист — это боец. «Поднявшие факел свободы».
3. Берлин-69: «Горизонты с башни ратуши». Репортаж.
4. Профессор Макс Штеенбек. «Исповедь будущему». Монолог ученого.
5. Поэт Краснознаменный ансамбль. Л. Книппер. «Получко-поле». «Колокольчик» — солист Н. Абрамов. «Когда поют солдаты» — музыка Ю. Милютина, слова М. Лисянского.
6. Из репертуара Людмилы Зыкиной. Г. Пономаренко. «Ивушка»; А. Долуханян, А. Поперечный. «Рязанские мадонны».
7. Наши премьеры. Песни на слова Василия Пухначева: «Над Шушей сосны вековые» (муз. А. Новикова), «Доброе утро, Россия» (муз. В. Мурадели).
8. Фестиваль в Галле. Гендель. Ария из оперы «Радамист». Исп. Вальтер Пицш и оркестр п/у Вернера Фелера. Фрагмент «Концерто-гроссо», соч. Б. № 6. Исп. ансамбль п/у Хорст-Тону Марграфа.
9. Эстрада Болгарии, Югославии, ГДР: «Любовь, как наша», «Юлия», «Вечером в городе». Исполняют: Э. Димитров, Л. Петрович, Ю. Гебауэр.
10. Избранные записи Маэна Бернеса. Н. Богословский, Б. Ласкин. «Спят курганы»; Я. Френкель, Р. Гамзатов. «Журавли».
11. Встреча с ребятами из «Октоберклуба».
12. Шесть минут с Манфредом Кругом. «Я знаю девушку». «Есть дом в Новом Орлеане». «Когда ты спишь».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи.

**ВЫРАЗИТЬ
ВРЕМЯ...**

Есть много признаков популярности того или иного певца. Наиболее ярким представляется мне один: неразделимая в нашем сознании связь хорошей песни со знакомым голосом, с привычной интонацией, с именем исполнителя. Услышав первые такты «Веселых ребят», вы мгновенно представляете себе Леонида Утесова; анкордеон на вечерней улице играет «Синий платочек», напоминающая о Клавдии Шульженко; «Тучи над городом встали», говорю я, и вы уже поняли: речь пойдет о Марке Бернесе.

Впрочем, с равным успехом я мог бы сказать: «Если бы парни всей земли», «Серезка с Малой Бронной», «С чего начинается Родина». Эти песни поют и другие артисты, но все же они принадлежат Марку Бернесу не только по праву первого исполнения, но и по праву общей темы, которую несет он из песни в песню, по праву единого образа, который сообщает каждой из этих песен зримую конкретность и достоверность.

Способность выражать свое время и свое поколение — это и есть тема певца; его герои прошли вместе с нами сивоз все огни и воды, через все радости и страдания.

Марк Бернес поет «Тучи над городом встали», и буквально у нас на глазах жестокий романс городской окраины (что само по себе отнюдь не позорно) становится призывом к мужеству и подвигу. Бернес поет «В далекий край товарищ улетает», и предгрозовою ветер тридцатых годов врывается к нам в комнату, напоминая о полетах Чкалова и о славе нашей авиации. А о том, как Марк Бернес поет «Темную ночь», надо говорить особо. Ибо здесь не только в верности времени дело. Голосом певца в этот момент говорят все те, кто вынес на своих плечах безмерную тяжесть фронтовых испытаний — с первого до последнего дня. Голосом абсолютно правдивым, существующим в эти мгновения не ради успеха у слушателей в концертном зале, а ради того, что выше любого искусства, — ради самой жизни.

Марк Бернес неотделим от своей исполнительской манеры. Он ее не выдумывал, не изобретал. Она далась ему естественно — его манера, в которой пафос достигается напряжением чувств.

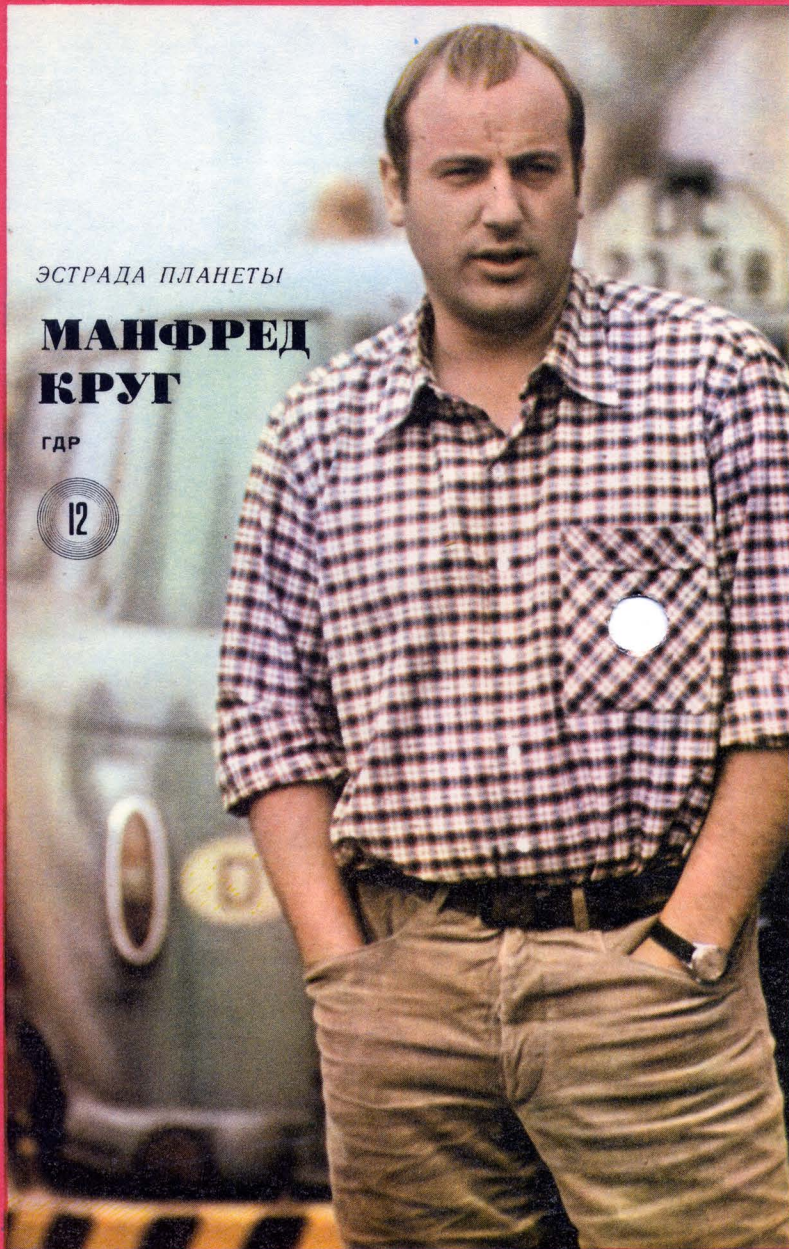
И она пришлась по душе многим своей простотой, своей причастностью к нашему быту... нет, — бытию.

Ан. МАКАРОВ

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

МАНФРЕД КРУГ

ГДР

Он один из популярнейших артистов республики. Искусство предполагает умение. Что же умеет Манфред Круг?

Тридцатидвухлетний артист стал известным около десяти лет назад, когда начал выступать в Берлинском «Клубе молодых артистов» как джазовый певец, исполнявший свои песни под аккомпанемент банджо и гитары.

По желанию отца, инженера-металлурга, Круг сначала был литейщиком. После работы у плавильной печи он посещал вечернюю школу, сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил... в театральное училище в Берлине. Став актером, он некоторое время играл в «Берлинском ансамбле» — театре Бертольда Брехта, а затем работал на телевидении, на радио, в кино. Между прочим, он дублировал Баталова почти во всех его фильмах. Потом к этому прибавились концерты, где Манфред Круг пел. Лирника и политика — таковы два полюса, к которым тяготеет искусство Круга-певца.

Он исполняет джазовые и политические песни совсем не потому, что они так уж подходят к его грубоватому и сочному голосу, а потому, что с их помощью ему хочется рассказать о своем отношении к жизни. Если ему не хватает песен, он сочиняет их сам.

Будучи певцом и драматическим актером, Круг обладает большим исполнительским диапазоном. В перечне его ролей можно найти Мефистофеля из гетевского «Фауста» и роль отчаянного и безрассудного соблазнителя в историческом фильме-комедии.

За исполнение роли секретаря парткома Хейера в телевизионном фильме «Пути по стране», который вскоре увидят советские зрители, Манфред Круг получил государственную премию.

Петер ТЕММЕС

Фото К. Д. Шварца

Цена 1 руб.